

НИКОЛАЙ ЩЕРБАКОВ

Капитан Лопанчук

И ДРУГИЕ МОРСКИЕ ИСТОРИИ

Николай Щербаков

Капитан Лопанчук.
И другие морские истории

«Издательские решения»

Щербаков Н.

Капитан Лопанчук. И другие морские истории / Н. Щербаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832030-9

Сборник рассказов о море и о людях, связавших свою жизнь с морем, включает в себя как истории реальные, в которых автор принимал непосредственное участие, так и сочиненные. Но сочиненные на основании пережитого. Автор надеется, что рассказанные истории не оставят читателя равнодушным. Имя капитана Лопанчук в заглавии книги не случайно. О своем однокурснике автор рассказал как о человеке, посвятившем морю всю свою жизнь.

ISBN 978-5-44-832030-9

© Щербаков Н.
© Издательские решения

Содержание

Ремза	6
Молодой	11
Капитан Лопанчук	13
Венгерские танцы в Бергене	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Капитан Лопанчук
И другие морские истории
Николай Щербаков**

© Николай Щербаков, 2016

ISBN 978-5-4483-2030-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ремза

Эта история стоит того, чтобы её рассказать. Она о том, как судьба однажды одаривает человека чистым, светлым чувством. И пусть короткое, мимолетное, и ушло далеко в прошлое, оно оставляет в сердце человека рану зажившую, но на изломах человеческой жизни напоминающую о себе, сладкой, ноющей болью.

Солнце и все цвета солнца вокруг. Весь мир состоит из всепроникающего солнца. Таков летний Крым. Знойное небо, редкие белые облачка. И те расположились далеко на горизонте над морем, по-видимому, выбрав для себя более прохладное место. Улицы поселка такие же знойные и пыльные. Горячая пыль рассыпавшихся песчаников жжет через подошвы. Пыль тонкой охристой корочкой на тротуарах, на домах и на листьях садов. Море изумрудное у берега и синее вдаль, сливающееся с горизонтом. Голубизна морской глади уравнивает земные, опаленные солнцем пейзажи. Общее впечатление от окружающей обстановки у Валерки праздничное. Как будто он не на работу приехал, а на отдых, на берег моря. Валерка, курсант ростовской мореходки приехал на годичную практику в Севастополь, в бухту Камышовую. Он только что приехал, получил направление в отделе кадров на временное расселение и должен ждать назначение на отходящее в море судно.

Расселяться он будет, как и приехавшие с ним однокашники, и прочий рабочий люд, приехавший поработать в море, в расставленных в определенном порядке палатках. Управление СУОР, севастопольское управление океанического рыболовства, новое, вновь организованное рыбной промышленностью СССР, еще не обзавелось общежитиями и домами межрейсового отдыха для моряков. И моряки, вновь прибывшие на работу, расселяются в палатки.

Это никого не раздражает. Лето. Приморские южные пейзажи располагают к легкомысленному отношению к быту. Народ ночует в палатках, а время, свободное от формальностей по устройству на отходящие суда, проводит на местных импровизированных пляжах.

Валерка находит свою палатку, наскоро знакомится с проживающим в ней дядькой, бросает под кровать рюкзак, и идет к морю. Море тянет к себе Валерку. Южное, Черное море родное для него. Он, по рассказам родителей, родился на берегу этого моря. Отец воевал здесь, в этих краях, а мать приехала к нему и здесь родила Валерку. Потом они уехали к себе на родину, и детство мальчишки прошло в кубанских степях и садах. А для Валерки Родиной осталось море, Черное море. Осталось в детской необъяснимой памяти чем-то большим, красивым и понятным.

К морю идти долго не пришлось, оно оказалось рядом. Слева высились кранами вновь выстроенные причалы порта «Камышовая бухта», а справа, обустроило себе пляжи население поселка. В те времена для того, чтобы это считалось пляжем, не надо было иметь какие-то постройки и лежаки. Нужны были сами купающиеся.

Направляясь к берегу, Валерка шел к стоящей по щиколотку в прибрежном прибое девчонке. Издалека она показалась ему малолеткой, подростком. Он шел к ней с желанием узнать, где здесь лучше купаться. Что-то в её внешности привлекло внимание Валерки. Он остановился за спиной загорелой до темно коричневого цвета кожи девчонки-подростка, с абсолютно белоснежной вихрастой, коротко остриженной головой. Если её волосы и имели когда-то цвет, то теперь они выгорели на солнце до абсолютно белого цвета. Белые кольца волос, кудряшки, были естественными. И трудно было бы представить, чтобы их кто-нибудь, когда-нибудь завивал. Завивала их морская вода и солнце. На шоколадном, ровном загаре лица плавали голубые, большие глаза в обрамлении удивительно черных ресниц и светлых, выгоревших на солнце бровей. И в волосах, и в бровях, казалось, сверкала морская соль. Потрескавшиеся губы из-

за множества белых трещинок выглядели бледно-розовыми. Черты лица девчонки казались несовместимыми, как будто собранными из нескольких разных лиц.

То, что было одето на ней, не могло носить определенного названия. Две полоски, которые впоследствии смелые европейцы назовут «бикини», тоже не имели определенного цвета и формы. Как они держались на её теле, по-видимому, было неразгаданной загадкой для окружающих. Тряпочки эти давно и окончательно выгорели на солнце и служили хозяйке, возможно не один сезон. Когда она уходила от берега моря в поселок, она одевала что-то среднее между платьем и майкой. И никому не приходило в голову обсуждать эту необычную для тех лет моду. Но об этом Валерка узнает позже.

Сейчас он застыл перед повернувшейся к нему девушкой. Девочка оказалась девушкой. Точная, сформировавшаяся фигурка, девичья грудь и гордо сидящая головка заставили Валерку застыть на секунду. Он откровенно залюбовался ею. До этого он покорял девчонок. Но то, что перед ним не девочка, он понял. Девчонкой её делал только взгляд исподлобья, взгляд упрямого, обиженного ребенка.

– Привет, – буркнул Валерка.

– Откуда приехал? – не здороваясь, спросила девчонка. Несмотря ни на что, все равно, Валерка про себя назвал её девчонкой.

– Из Ростова.

– А-а. Ваши уже приехали. Вон там, за теми камнями лежат. Видишь?

– А ты откуда знаешь, что это наши?

– Я здесь всех знаю.

– А ты местная?

– Конечно. Мы здесь жили еще до того, как порт начали строить. Это вы тут понаехали.

– Я не навсегда. Я на год приехал, на практику. Потом уеду доучиваться.

– Да знаю я все про вас. Салаги. На чем в море пойдешь?

– Еще не сказали. А почему это я салага? Я в море уже не раз ходил. У нас две практики уже было. Я на паруснике в заполярье ходил. Поняла? Ты парусник когда-нибудь видела, морячка? Я, например, на баркентине ходил.

Девчонка хмыкнула, подбросила ногой несколько камешков, пытаясь попасть в Валерку, и сказала:

– Баркентина, вооружение смешанное, фор – прямое, грот и бизань – косое. Дальше рассказывать?

– Ого, – не удержался Валерка, – уважа-а-аю.

Подождал поближе.

– Да что же у тебя глаза такие голубые? Прямо не настоящие.

– Нравятся? – неожиданно спросила девчонка.

Валерка, пожав плечами от неожиданности, заявил:

– Почему только глаза? Ты вся какая-то – опять пожал плечами, – давай познакомимся?

– А чего знакомиться? Меня здесь все знают. Я Ремза. А ты сейчас со всеми перезнакомись. И я скоро буду знать, как тебя зовут. Иди вон, к вашим. Там все. Я позже подойду.

– А чего ты меня гонишь? Меня Валеркой звать. И чего здесь-то стоять? Пошли вместе.

– Нет, я постою.

– А что, там нельзя постоять?

– Отсюда больше горизонта видно. А оттуда краны закрывают. Понял, любознательный ты наш?

– Ждешь кого-нибудь? Алые паруса?

– Хохмишь? Остроумный, да? Начитанный?

– А чего ты такая колючая? Не собирался я хохмить.

– Валерка, значит. Белобрысый. Тебя в детстве сметаной не звали?

– Звали, откуда знаешь?

– Потому, что меня так звали. А мы с тобой оба белобрысые. Блондины. Так?

Валерка опять пожал плечами. Он первый раз в общении с девчонкой терялся. Раньше за ним это не замечалось. Перед ним стояло странное существо, дерзкое, неожиданное. И при том завораживающее своей необычной привлекательностью. С загорелого, шоколадного лица в обрамлении белых кудряшек в него периодически стреляли изумительно голубые глаза, каких он в жизни не видел. И вдруг:

– Валерка! А ты ничего. Тоже будешь меня обхаживать? Клинья подбивать?

– Почему ты решила?

– А я привыкла. Многие за мной тут ходят. Только я не люблю, когда руками норовят... Ваши вот, только подошли, сразу хватать начали, в воду потащили. Ты им скажи, еще раз полезут – утоплю. Я плаваю, как русалка. А они щенки.

– Ого. Может, ты на себя много берешь? Так уж и все за тобой ходят?

Ремза отвернулась от него и негромко сказала. Так тихо сказала, что Валерка едва услышал.

– А вот ты другой... хотел бы со мной ходить? Скажи честно.

Валерка помолчал. Ремза тоже молчала и не поворачивалась. Он снял неуместные здесь на пляже туфли, засучил штаны и зашел в воду. Обошел, заглянул ей в лицо. Девчонка хитро улыбалась.

– Смеёшься?

– Нет. Я тебя серьёзно спросила.

– Если серьёзно..., – кашлянул неуверенно, – если серьёзно... хотел бы.

Ушел Валерка в море на рефрижераторе «Ветер» через неделю. Быстро ушел. Другие по полмесяца своего направления ждали. И эта неделя у него пролетела, как один день. Ремза заполнила все время до минутки. Нет, он не видел её каждую минуту. Он думал о ней непрерывно.

Виделись они часто. И утром встречались, и днем, в обеденный перерыв, а вечером не расставались до гаснущих звезд. Она часто его встречала на территории управления. По-видимому, работала там? Или допуск у неё был на территорию? Когда он уже получил направление на пароход, она к нему и на пароход приходила. Но вот что замечательно, Валерка и по сей день ничего о ней не знает. Ни кто она, ни кто её родители. Где работала, где училась, где жила? Да. Даже где жила не знал. Ходили по поселку до глубокой ночи, ездили в Севастополь, как будто бы провожал, но сказать – вот, это её дом, не мог. И, что удивительно, его это не беспокоило. Как-то так складывались у них отношения. Как-то смогла она, однажды начавшиеся расспросы, увести на другую тему. И сама ничего о нем не спрашивала. Они общались так, как будто знали друг друга всегда, и все друг о друге знали.

Вечера у них получались похожими один на другой. Но, по-видимому, это их устраивало. Они засветло уходили по побережью в места, где никого не было, и просиживали там допоздна. Купались, загорали, болтали. Обо всем разговаривали. Интересно им было. Валерка, чему он сам удивился, оказался прекрасным рассказчиком. Ему в училище нравилась астрономия, и теперь он знакомил Ремзу с тайнами звездного неба. С детства он любил Гоголя, и оказалось, что смог почти наизусть в лицах рассказывать девушке «Вечера на хуторе близ Диканьки». А она ему об увлечении подводным плаванием, о мечте стать девушкой – Ихтиандром. Пересказывала одесские истории Бабеля. Получалось это у неё уморительно. Хохотали от души. В разговоре с ней терялось ощущение, что она девчонка. Настолько интересно было, что он забывал о том, что они парень и девушка. Болтали обо всем, не только о книгах. Больше о жизни. Оба были мечтателями. Вот и мечтали всласть.

А потом было у них ночное купание. Это фантастическое действо осталось в памяти Валерки на всю жизнь. Она в первый же день, когда они познакомились и вечером пошли

купаться, открыла ему эту свою «тайну». Стемнело и они решили в очередной раз окунуться в море. Кто знает – вода ночью в море теплая, как молоко. И вот она заявляет: «отвернись». Он отворачивается, она сбрасывает с себя свои «полоски» и в море. А оттуда зовет его. Он, ничего не подозревая, кидается в воду и поплыл. Поплавали, поныряли, и стали забавляться, как это делали, делают и будут делать молодые. Валерка подхватывает под водой девчонку, а она голая. Он даже отскочил от неё.

– Ты что, – говорит, – потеряла?

А она смеётся.

– Валера, – хохочет, – я так уже давно, ночью, только голая могу купаться. Ты не представляешь, – говорит, – как это здорово и приятно. Море меня любит, я это чувствую.

Валерка молчал, как оглушенный. В руках осталось ощущение упругого девичьего тела, которое скользнуло сквозь его объятия какими-то ранее недоступными местами. Безумно хотелось все это повторить. А Ремза вдруг сама подплыла к нему и взяла за руки.

– А ты не обращай внимания. Только не хами. Ладно? Если сможешь не хамить, мы и дальше так же будем ночью купаться. Если хочешь знать, ты первый, с кем я так купаюсь. Никто этого не знает. Сможешь не болтать об этом?

– А можно, я тебя обниму?

Валерка, прожженный сердцеед с ростовской набережной просил разрешения у девчонки её обнять. Он всегда обнимал великодушно и снисходительно. А сейчас просил какую-то бело-брысую незнакомку, о чем? Да, в тот раз с Валеркой происходили чудеса.

– А хочется?

Голенькая девчонка, пусть и под водой, стояла рядом. И Валерка, молча, в темноте кивнул. Кивнул так сильно, что брызги полетели. Ремза, так же молча, придвинулась к нему и сама обняла его. Под водой они сильно не прижимались друг к другу. Объятия под водой нежны лёгкими прикосновениями. Но не успел он еще до конца ощутить всю прелесть объятий, как Ремза выскользнула и отплыла от него.

И Валерка понял, что если он перейдет черту их игры, установленную Ремзой, он потеряет все. И в эту ночь и все последующие эта игра была для них пиком удовольствия, какое они могли доставить друг другу. Он делал вид, что ничего в ней нет необычного, а она периодически позволяла ему и, видимо, себе мгновения близости. Иногда он подныривал под неё, захватывал за ступни и, выныривая, подбрасывал свою русалку вверх. В воздухе мелькало серебряное при свете луны точеное тело и с шумом и плеском исчезало в воде. А Валерка долго стоял, протирая глаза, и перед его взглядом, как застывшая картинка сверкало красиво изогнутое тело женщины. Случалось, они стояли рядом, взявшись за руки и легонько подпрыгивая, чтобы удержаться на одном месте в набегающих волнах прибоя. И когда их тела касались друг друга, а её соски мягко кололи ему грудь, их взгляды встречались, замирали, а руки крепче сжимались. Как будто удерживали они себя от дальнейшего. Это доводило их до состояния, что выйдя на берег, они долго не разговаривали, но сидели, прижавшись друг к другу, и держались за руки. У обоих было ощущение, что невольное произнесенное слово разрушит что-то большое. Потом они шли в поселок и долго бродили по улицам, сидели на лавочках.

На второй день их знакомства, когда стемнело, на пляже, он поцеловал её. Поцеловал не смело, предполагая, что получит отпор. Но, на удивление, она, приложив руку к губам, и помолчав, сказала:

– Это то, что ты делаешь лучше меня. Научишь?

Она легла на спину, он наклонился над ней и в тот вечер они долго целовались. И все. Больше она ему не позволяла себя целовать. Пока сама вдруг не решала, что хочет этого. Гденибудь на неосвещенной улице или на лавочке вдруг сама обнимет и прижмется сухими, мягкими губами. И сама же оттолкнет, если Валерка увлечется. Никогда больше в жизни никакая девушка или женщина не могла себе позволить в общении с Валерой такого самовольства.

Да, неделя пролетела для Валерки, как один день. И день, когда «Ветер» уходил в рейс, настал. Буднично это было или торжественно – он не помнит. Народу провожающего было много. Он стоял на высоком борту базы и искал в толпе лицо. Лицо Ремзы. Хотя она его предупредила, что не придет. Прошлым вечером они попрощались. К 23.00 он должен был быть на борту. Так было сказано в приказе об отходе. Она с ним рассталась в поселке. Сели на свободную лавочку и не знали что сказать. На ней было незнакомое платье, которое ей совсем не шло. Оно было просто дурацкое. Описать его Валера не смог бы. Но помнит, что спросил её, зачем она одела его. Пытался еще найти слова, чтобы не обидеть. Она ответила: «чтобы ты меня такой уродиной запомнил». А Валерка посмеялся, мол, шутишь? Одним словом расстались так, как будто он на пару дней отлучается, и в разговорах только шутики.

И ушел Валерка в моря. Вернулся через три месяца. Кинулся искать девчонку, но оказалось, что он ничего о ней не знает. Где её искать? Так и не нашел. Ушел в следующий рейс. Но уже на промысловике. На полгода ушел. Но вот когда уходил, и на причале опять стояла толпа провожающих, увидел вдруг Валерка у ангара одинокую фигурку в плаще и беретике. Сначала мазнул взглядом как по незнакомой, а потом вцепился в поручни руками. Узнал. Ремза стояла. И на него смотрела. Только на него. Руками какую-то сумочку на груди сжимала и не двигалась. А далеко, кричать глупо. И концы уже отдают. Поздно братишки. Ой, поздно. Как больно Валерке было! По тому, как она стояла, как смотрела, все понятно было. Не хотела она встречи. Но посмотреть на Валерку пришла. Что её заставило? Эх вы, женщины!

Ну что? Каждый мужик должен в жизни переболеть такой болезнью. «Страдания» называется эта болезнь. Переболел и Валерка. Ремзу он потом так и не нашел. Уехал из Севастополя. Доучился. Получил распределение на Дальний Восток. Женился поздно. На пенсию ушел капитаном дальнего плавания, с хорошей должности.

Одно время пытался понять – Ремза, это имя или кличка. Даже в словари заглядывал. Нашел объяснение слову «ремиз». Кроме карточных терминов нашел ещё один, « в фехтовании – предупреждающий удар». Или упреждающий? О чем же предупреждала, какой урок преподнесла ему эта девчонка в далекой юности?

Молодой

Второй день моросит дождь. С перерывами, которые все равно не дают надежды на то, что он прекратится. С Кольского залива ползут новые низкие, рваные тучи и всем надоевшая сырость продолжается. Мелкие капли дождя, больше напоминающего туман, временами сыпятся из туч привычно сверху вниз, временами начинают пляску в воздухе, завихряясь, и даже поднимаясь вверх. От этого еще больше придавая дождю сходство с туманом, и проникая во все, казалось закрытые места, в том числе и за воротник. Такое вот оно, заполярное лето.

Старпом СРТМ «Стриж», Пахомыч, стоит под козырьком у траловой лебедки и вполголоса матерится. Он одет так, чтобы идти в город, но его задерживают досадные обстоятельства. Его «Стриж» готов к отходу в очередной рейс, и дело двух трех дней для выполнения формальностей и получения «добро» на выход в море. А сегодня он сменился с суточной вахты и собирался уже до обеда быть дома. Перед отходом дома всегда дела найдутся.

А досадные обстоятельства заключались в том, что к нему вчера зашел молоденький третий штурман и, помявшись, попросил задержаться утром на вахте, потому, что он, Юра Носков, так звали штурмана, хочет проводить в аэропорт Килп-Ярве свою молодую жену, улетающую домой, в Ростов-на-Дону. Дело в том, что Юра должен был сменить сегодня Пахомыча на суточной вахте, а он хотел первым, ранним автобусом проводить жену до аэропорта. Штурман стоял в дверях каюты Пахомыча, а из-за спины его выглядывало молоденькое, девичьего пола, в беретике и каштановой челке глазастое создание и доверчиво смотрело в глаза Пахомыча. Братцы, ну кто бы смог отказать! Все мы были молодыми.

Юрка пообещал уже к одиннадцати часам быть на судне. Мол, он успеет. Он все рассчитал. Ладно, хмыкнул Пахомыч, прощайтесь, что с вами сделаешь. При этом он больше обращался к девушке, стоящей за спиной молодого штурмана. Молодые-ые.

А сейчас он стоял и, не смотря на нависший над ним козырек рубки, мок под моросящим дождем и, как уже было отмечено, матерился. Потому, что на часах было шестнадцать с копейками! А никакого Юрки не было. И Пахомыч, получается, стоял вторую вахту. Кому сказать! Он, старпом стоял вахту за салажонка! Мерзавец! Вокруг пальца обвел!

Мимо к трапу прошел капитан, уходящий на берег.

– Пошли? – глянул он на старпома, – что, так и не появился?

– Нет, – буркнул Пахомыч.

– Ну, стой, стой. А завтра сам с ним разбирайся, я вмешиваться не буду. И не жалея пацана! А то нюх потеряет. Правильно я говорю? – усмехнулся и ушел.

– Да я его..., – выматерился доведенный до отчаянья Пахомыч и ушел в каюту.

Третий появился, когда все, кроме вахты ушли с судна домой. В дверь старпома тихо постучали.

– Да, – не оглядываясь на дверь, отозвался Пахомыч.

Дверь почти бесшумно открылась и:

– Геннадий Пахомыч, это я.

– Что? – Пахомыч задохнулся от негодования, – явились, ваша светлость? На часы глянь, штурман, мать...!

– Геннадий Пахомыч, выслушайте. Я знаю, я виноват.

– Речь хорошо подготовил, брехун? Что, самолеты не летали? Или автобусы все полопались? Ну, давай...

– Геннадий Пахомыч. Я в Москву летал, Наташу провожал. И вот. Только вернулся.

Пахомыч застыл, хватанул несколько раз ртом воздух. И вдруг, по лицу парня он понял, что тот не врет. Он сел на стул и показал третьему, чтобы тот тоже сел. Помолчали. Это что же получается? Им времени не хватило попрощаться, и они полетели в Москву?

– Что ты сейчас сказал? Вы в Москву летали? А потом ты вернулся? А она?

Пахомыч говорил, а сам представлял себе этого пацана и его подружку в самолете, летящими в Москву. Что же это было? Продолжение счастья быть вместе? Или продление грусти расставания?

– Слышите, Геннадий Пахомыч, вы не сердитесь на меня. Я отработаю. Я за вас больше отдежурю..., а она..., она же в Ростов улетела. В Москве ведь пересадка. В Ростов прямого рейса нет.

Юра бубнил, а Пахомыч смотрел на него, и лицо его постепенно теряло зверский вид. Еще помолчали. Юрка явно мучился. Он, то заглядывал в глаза старпома, то опускал глаза в пол. По лицу было видно, что ему трудно даётся эта ситуация. Молодое самолюбие готово было выскочить наружу. И Пахомыч это понял. Он подвинул штурману журнал и сказал:

– Расписывайся. О приеме вахты.

В графе времени стояло восемь ноль-ноль. Юрка поднял глаза на старпома. Тот кивнул – расписывайся. Потом оделся, сунул ему судовой журнал и, подтолкнув к двери, буркнув «до завтра», ушел.

У трапа вахтенный матрос пожилого возраста, давно ходивший в моря с Пахомычем, с пониманием спросил:

– Ты там его не прибил, Пахомыч?

– А за что? – неожиданно для самого себя ответил старпом, – за то, что молодой?

На трапе остановился и повернулся к нахохлившемуся матросу.

– Как думаешь, в Москве сейчас погода хорошая? – и, не ожидая ответа, поднял воротник плаща и пошел вниз на причал, – а я думаю, что там солнышко греет и травка зеленеет.

1968г.

Капитан Лопанчук

Всякий раз, как только мысленно возвращаюсь в годы юности, а именно в годы учебы в Ростовском мореходном училище Рыбной промышленности, в памяти чаще всего является именно это время года, и именно этот период. Это, по-видимому, окончание третьего курса и сдача курсовых экзаменов. Догадываюсь, что это то самое время по нескольким причинам. Это вторая половина мая 1965 года. Сразу после третьего курса мы уезжаем на годичную практику. На год самостоятельной морской работы. Нам предстоит распределение по промысловым флотам всей страны, такое же, как ждет нас и в конце учебы в училище. От Дальнего Востока, до Калининграда. Одним словом мы уже не «салаги», три курса за спиной, две летние практики, но еще и не «мариманы». Вот с годичной практики мы вернемся «мариманами». Такая вот иерархия. События, согласитесь, запоминающиеся.

Большинство уже обзавелись подругами, с которыми придется расстаться на год. И в этом расставании, естественно, своя романтика. Да, пока это романтика. Те, у кого «романы» сложились по серьёзному, стараются не упустить возможности, провести лишний часок со своей девушкой, подругой. У кого как. Это тоже запомнилось.

И курсовые экзамены надо сдать как можно лучше. Итоги экзаменов повлияют на то, где ты проведешь этот год. Ведь это может быть колхозный сейнер на Каспии, а может быть современный промысловик в водах Атлантики. И мы самоотверженно проводим часы «самоподготовки», официального времени, отведенного для самостоятельного изучения предмета, а потом и ночи напролет, в «кубриках», организовавшись в группы по интересам. зубрим вопросы по билетам. А в группы сбиваемся для взаимной помощи и взаимопроверки. Учимся серьёзно, ответственно.

А за окнами цветет акация! Это самая яркая краска всех воспоминаний. Ростовские акации. С балкона нашего «кубрика» можно сорвать пахучую гроздь цветов. Этот запах мешает учебе и влечет нас на улицу, на набережную, на свиданье с нашими девчонками. Жизнь преподносит урок выбора становящимся молодым характерам. Благоразумно зубрить «предмет», или, сдвинув лавочки на набережной, в кругу друзей и подруг под гитары петь песни и радоваться весне и молодости. И что? Случалось, что благоразумие в сторону – экзамены все равно сдадим. Айда на набережную!

Как давно это было! Но как отчетливо это помнится! До запахов! Моряки! Однокашники мои, кто прочитает эти строчки – вспомните: на столе одеяло, снятое с койки и оттуда же простынь. Мы гладим на этих одеялах брюки, «фланелевки», гюйсы. На одеялах, там, где забывали уют – коричневые пятна в форме этого самого утюга. Запахи в кубрике помните? Когда все собираются вечером в город? Запах пара, горелого одеяла, запах «Шипра» и ваксы. И из окна запах акации. Вспомнили? А где заглаживаются стрелочки на «фланелевках» вспомнили? На груди. Вот так. А сейчас, доложу я вам, по Ростову ходят курсанты в кителях с непонятными знаками. Толи моряки, толи железнодорожники. Не поймешь. А может это трамвайное депо новую форму ввело? Грустно. В наше время в Ростове было две мореходки и одно речное училище. И носили мы голубые гюйсы, тельняшки, бескозырки и мичманки. Город был – морским! И мы были, без ложной скромности, лицом его – города-порта Ростов-на-Дону.

Полвека пролетело, как несколько дней. И вот уже интернет стал собирать разбросанных по окраинам бывшей громадной страны, да и всего мира, «одноклассников», коллег, друзей. Вот и меня он связал с однокашниками по Ростовскому мореходному училищу. С одним из них – Николаем Лопанчук, свел основательно. Вот уже не один год, пожалуй, мы с ним общаемся и в сети и по телефону. Живет он во Владивостоке. Уехал на Дальний Восток сразу после училища по распределению, и как выяснилось, надолго. Не стану говорить – навсегда. Хотя... в нашем возрасте... Прошлым летом ездил я по Ростову, фотографировал своему другу

юности здания нашего училища, наиболее запомнившиеся нам в те годы улицы. Рассказали ли мои фотографии ему о нынешнем Ростове что-то, что бы заменило ему прогулку по знакомым местам? Трудно сказать.

Из общения с Николаем сложилась вполне связная картина жизни, карьеры моего друга. Парень прошел все стадии флотской жизни: от матроса, убирающего каюты и чистящего картошку на камбузе, до руководителя экспедиции. Фотография под заголовком его, Николая Лопанчук.

Коля, не помню я твоего отчества, а может и не слышал никогда. А спрашивать уже не хочется. Сам понимаешь, какие бы посты ты не занимал, для друзей ты остался Николаем, Колей. Фотографии он, доложу я вам, не одну мне выслал. Была еще одна, официальная. Вот эта.

На ней седой солидный капитан дальнего плавания со всеми положенными регалиями, значками и медалями. Когда я её получил, фотографию, первой мыслью было – увеличить, завести в рамку и отнести в училище наше. Там ей было бы место. Полвека назад этот парень,

а теперь уже бывший начальник промысловых экспедиций на Дальнем востоке, учился здесь. Вот, пожалуйста, проходя по коридору, поднимите подбородочек, подравняйтесь на этого человека. Не смогу я этого сделать. Нести некуда. Нет такого училища! Ростовского мореходного училища рыбной промышленности больше нет. Расформировали за ненадобностью. Такие специалисты нашей стране больше не нужны.

Еще о Николае Лопанчук расскажу. Вернусь в начало истории. Постараюсь рассказать так, чтобы понятно стало, почему выбрал ту фотографию, что украшает обложку.

Годичная практика, о которой я уже упоминал, для него была настоящей суровой проверкой на профпригодность. Он, один из не многих, кто попал в Объединенную Антарктическую китобойную флотилию «Советская Украина и Слава». Год производственного обучения стал испытанием для него и его амбиций. Будет ли он моряком? В рейс он ушел матросом 2-го класса на китобойце «Бедовый-30». Ниже не куда. Это работа, в основном, на камбузе, и уборка всех судовых помещений. А еще, что замечательно, не ходят китобои в морях с приятным климатом и круизными погодными условиями. Из солнечной Одессы они ушли в Антарктиду. Со всеми её погодными прелестями.

Рейсы на полгода и больше, это основательная психологическая проверка для экипажа и для каждого в отдельности. Китобоец – это небольшой, железный, далеко не комфортабельный дом на несколько человек, занятых круглосуточной тяжелой работой без выходных и праздников. По поводу комфортабельности еще добавлю. Кто решится пойти в городской парк, и, раскачавшись на качелях, провести на них весь день? Выполняя при этом все физиологические функции: сон, еда, работа и все остальное. В море, на китобойце не день – там минимум полгода. Вот где надо было космонавтов тренировать. На психологическую совместимость и выносливость. Николаю пришлось испытать на себе не только трудности морского быта, но и эту самую «совместимость». Прошел, не сдался. Хотя, рассказал сейчас уже, о нескольких неприятных «инцидентах».

Потому, что романтики, на самом деле, это очень крепкие люди. Настоящие романтики. После этой практики он у нас был в авторитетах. Несмотря на то, что многие из нас провели этот год на серьезных промысловиках, и рейсы у многих были длительные. Но китобой был, как я уже упоминал, – Лопанчук, один из немногих.

После окончания училища мы, естественно, разъехались по морским окраинам того самого Советского Союза. Плохого ли, хорошего – до конца рассудит история. Но той стране мы были нужны. Было нужно много рыбы, и мы её добывали. Бригады, рыбколхозы, промысловые управления, флоты и флотилии. И везли её, рыбешку, и всяческие морепродукты, со всего мира, со всех океанов в свою страну.

Я уехал на север, в Мурманск, Николай – на Дальний Восток. Всё. Больше мы никогда не встречались. Только вот теперь – в «сети». Изредка – по телефону. Пенсионеры мы, а значит, что лишних денег на разговоры нам государство не выделит. Но, это отдельный и неприятный разговор. Так вот.

Из его рассказов я понял, что прошел он все положенные и сверхположенные этапы пути в своей карьере. Начал он и там, на Дальнем, с матроса, потому, что «ценза» у него не хватило. Для непосвященных – не наплавал он еще к тому времени матросом нужного количества месяцев для получения рабочего диплома «штурмана малого плавания». С ШМП можно было начинать работать помощником капитана – штурманом. Вот со «штурмана малого плавания» до «Капитана дальнего плавания» Николай прожил непростую трудовую жизнь. Поднимался до должности старшего помощника капитана, и падал до марсового матроса на китобойце. Пережил интриги КГБ и, зная его, уверен, что пережил, не потеряв достоинства. Как всегда в таких случаях нужен был виновный «стрелочник», пришлось взять вину на себя. Попадал в тяжелейшие ситуации со смертельными исходами. Сам в этом случае добирался до берега без малого милью в воде 6—7 градусов. Как он выбрался?! Я бы не поверил, но он живой! И врать

Николай не будет. Не тот случай. И опять надо было подниматься с нуля, с должности матроса. Поднялся. А в 1976 году он уже ушел надолго в рейс (11 месяцев) старпомом на китобойце «Вдохновенный». С приходом поменял диплом на ШДП «штурман дальнего плавания», и сдал аттестацию на капитана.

С 1983 года он только на высоких должностях. Начиная с заместителя капитан-директора по добыче крабовой флотилии «Павел Постышев» и до начальника экспедиции на промысле краба, сайры, трубача и кальмара.

Морские карты от Сахалина до побережья Антарктиды прочертил вдоль и поперек карандаш капитана Лопанчук. И виски-ромы и злые табаки, в кабаках многих портов мира перепробовал этот парень с фотографии. Только «отдыхал» он там не в круизных турах и не в романтических командировках. Это были, как правило, два-три дня стоянки на твердой земле среди незнакомых лиц! Понимаете, о чем я?

И, наконец, о фотографии. О том, почему я её выбрал, а не парадную, которую поминал. Да за спиной этого парня промысловики. Группа промысловиков. А сам он на борту плавбазы стоит. Видно это по высоте и горизонту. И промысловики, по-видимому, это только те, что в кадр попали. Их, возможно, больше. Не знаю, я с ним об этом не говорил. Может они на переходе? Или в группе судов. Бывает, что у базы собираются несколько судов для сдачи продукции и образуется очередь. Обычная ситуация на промысле.

Фотография очень понятная моряку-рыбаку. И стоит капитан Лопанчук красиво. За ним флот. Он в течении нескольких лет руководил этими или другими судами и добывал стране рыбу. О том, чем ему ответила страна, красноречиво говорит размер пенсии не только его, но и всех нас, сверстников.

И еще. Не первый раз возвращаюсь к этой теме. При всем уважении к узкому кругу людей, называющих себя «шестидесятниками», хотел бы уточнить. Это всё наше поколение, стартовавшее в шестидесятые годы, может назвать себя этим, ставшим носителем обновления, именем. Это оно, целое поколение романтиков, воодушевленное показавшимся краешком свободы, помчалось по необжитым окраинам страны «за туманом и за запахом тайги», за пароходом «белым беленьким, черный дым над трубой». И понесло по стране дух свободы и братства, взаимопомощи и неподкупности. Нас учили не искать в друзьях «слабое звено», и не сулили «халявных» призов и «миллионов» в разного рода шоу. Мы плечами не толкались, мы подставляли их другу.

Когда я писал эти строчки, я видел лица, сохраненные памятью из юности. Таких судеб, как у капитана Лопанчук много. Очень много. Всем им уважение и признательность тех, кто понимает, как они жили и продолжают жить.

Венгерские танцы в Бергене

Дверцы антресолей со скрипом открылись, подняв облачко пыли. Юрий Максимович, стоящий на неустойчивой раскладной лесенке, увидел унылую картину. Собранные за многие годы вещи были так плотно уложены, что найти понадобившуюся безделушку представлялось невыполнимой задачей. Браться за это, решил он, можно было бы, только решившись на безымянный подвиг. Юрий Максимович к совершению подвига готов не был. Он хотел было уже махнуть на затею рукой, но увидел справа, прижатую плотно к стенке пачку старых виниловых пластинок. На лице, сама собой, как перед старой знакомой, возникла улыбка. Когда-то, в «те» годы у него была замечательная коллекция пластинок, он называл её «библиотекой». В ней был раздел классики, подборка настоящего джаза, в основном, конечно, американского, подборка популярной в те годы итальянской и французской оркестровой и песенной музыки. Были наши, только появляющиеся на дисках барды и наши ВИА. Одним словом была достойная образованного, разбирающегося в хорошей музыке человека, коллекция пластинок. Юрий Максимович ею гордился, но слушал в основном сам, никому пластинки на прослушивание не давал. Да о передаче их кому-либо и речи не могло быть, он ведь свои пластинки не позволял никому в руки брать.

Прошли годы, сменились виды «носителей», и пластинки ушли на антресоли. Не решился Юрий Максимович ни продать их, ни выбросить. Был момент, когда вопрос о продаже возникал у него в голове, а вот «выбросить» – нет, такого не было. Часть из них еще какое-то время служила на даче, да там и осталась пылиться и мерзнуть в неотопливаемые, непосещаемые зимы.

Рука сама потянулась, и с трудом вытащила первую, попавшуюся вылезшим из общей пачки краем, пластинку. Юрий Максимович дунул, подняв ещё одно облачко пыли, долго глядел на неё в темноте антресолей, потом захлопнул дверцы и аккуратно, держа подмышкой пластинку, спустился на пол. Ему не надо было ставить её на диск радиолы, музыка зазвучала в нем помимо его воли. Он знал эту пластинку с её записями от первой до последней дорожки. Этот диск был гордостью его коллекции. Ещё бы! Подлинный Deutsche Grammophon с лейблом Polydor. И привезен он был из Норвегии в 1971 году. У этого диска была своя, с годами не забываемая история. История, от которой у Юрия Максимовича, еще с молодых лет не раз щемило сердце, а память до мелочей многократно восстанавливала картины тех двух дней из его жизни, связанных с этой пластинкой.

Уже забылась первоначальная затея, из-за которой он оказался на антресолях, уже сидел Юрий Максимович в кресле, держал на коленях когда-то яркий, а теперь потускневший футляр пластинки и вспоминал. В очередной раз, после долгого перерыва вспоминал. Раньше это бывало чаще. И поскольку воспоминание это повторялось, оно приобрело последовательность картин. Он всегда вспоминал «сначала».

Вот он спускается по трапу своего «научника» в норвежском порту Берген и по причалам, больше напоминающими улицы, идет в город. У этих улиц одной стороной является море, а другой двух или трехэтажные дома, образующие единую стену со сверкающими яркими красками или красным кирпичом фасадами, с высокими острыми фронтонами. Он не первый раз в Бергене. Их научное судно, работающее в группе с коллегами из Норвегии и Исландии, периодически заходит в норвежские порты Тромсё или Берген. Наука обрабатывает результаты рейса, а моряки с удовольствием путешествуют по городу. наших моряков, конечно, притягивают магазины. Ходят они группами, во главе которых ставятся «благонадежные», выбранные первым помощником, помполитом, члены экипажа. Обычно, отлучиться из группы нет никакой возможности. Но вот второму штурману Юрию, как-то так получилось, удалось заручиться доверием капитана и первого помощника, и его одного отпускают ненадолго в город. Время,

когда команда планомерно гуляет по городу, для Юрия время вахты. Поэтому, сменившись в шестнадцать часов, он не спеша полдничает, одевается и отправляется один бродить по уже знакомым улочкам. У него даже кафе свое, знакомое появилось, в которое заходил уже не один раз.

В этот раз он сразу направился в это кафе. Что это – кафе, или бар, он не знает. Но всякий раз, усевшись за столик у окна, он заказывает glass of beer, и подолгу сидит, потягивая пиво и любуясь видом за большим, чистым окном. Он уже стал привыкать к тому, что в кафе может быть мало посетителей, и даже могло быть так, что он был один. У себя на Родине пиво еще продавалось в грязных ларьках, с обязательным наличием очереди. Такой контраст доставлял ему большое удовольствие. Что не говори, а приятно чувствовать себя цивилизованным человеком.

Шел не спеша, и когда дошел до знакомого здания с надписью «vertshuset pub», зашел так, как будто он завсегда тут, и последний раз был здесь буквально вчера. Посидел, выпил свой стакан пива. На окнах появились капли дождя. Уходить не хотелось, было уютно, играла тихая музыка. Юрий помнит, ему тогда показалось, что пойдет сильный дождь. До порта было не близко, идти и мокнуть под дождем не хотелось. Решил пораньше вернуться на борт и выспаться перед ночной вахтой. Расплатился и вышел.

Дождь намочил тротуары, но никак не набирал силу. А над городом повисли подвижные, серые, рваные тучи. Легкие порывы ветра бросали капли дождя в лицо и заставили Юрия застегнуть плащ и поднять воротник. Он уже не прогуливался, он шел в порт.

Идти пришлось мимо городского водоёма с фонтаном, и Юрий невольно пошел медленнее. Был ли это искусственный или естественный водоем он не знал. Водная поверхность занимала целую площадь, была огранена и огорожена невысокой металлической оградой. К воде спускались зеленые газоны. По берегам стояли стриженные куполообразно деревья и красивые белые скамейки. Юрий остановился. Скамейка под деревом была сухой, и он присел, задумался, залюбовался открывшимся перед ним видом на город. В центре озера бил фонтан. Центральная его струя, на глаз, поднималась на высоту примерно трехэтажного здания, и находилась прямо напротив скамейки, где он сидел. А за струей, за стоящими зданиями уже зеленели покрытые лесом скалы фиорда. После серости наших городов красно-белая архитектура Бергена, чистота, зелень газонов поражали Юрия. Здесь в северной стране в городе было больше цветов, чем в нашем Мурманске.

От размышлений его отвлек шум детских голосов. Ватага ребят, одетых в светлые и цветные курточки приблизилась и остановилась у скамейки Юрия. Они были за спиной, и первое время он не поворачивался, и не разглядывал ребят. А те оживленно болтали, смеялись и, по видимому, тоже не обращали на него внимания. И вдруг, как-то сразу, они оказались рядом и вокруг, заняли всю свободную часть скамейки. Они продолжали что-то деловито обсуждать, и центр этого обсуждения был на другом конце скамейки. Что там происходило, Юрию не было видно, все закрывали спины, севшей рядом девочки, и стоящего рядом с ней мальчика. А между ним и девочкой оказался футляр скрипки. Юрий невольно провел рукой по черной коже футляра. Надо же! Ему показалось, что он сейчас услышит запах канифоли и лака, стоит только открыть футляр.

Это было из его детства. Перед уходом в мореходку он проучился два года в музыкальной школе по классу скрипки. Преподаватель, старенький, маленький Яков Парфентьевич, качал головой и говорил: «Вы делаете неправильный выбор, Юрий. С вашим слухом и руками нельзя оставлять инструмент». Оставил. Уже не один год его жизнью были море, север, льды и шторма. Но вместе с романтикой его не покидала маленькая радиолка, переходившая с ним из каюты в каюту при смене судна или должности. И пачка пластинок, не привычных для его коллег. Паганини, Крайслер, композиторы Барокко, переносили с ним тяготы и радости морской, очень своеобразной жизни. Как волны музыки, так и волны Океана за бортом становились для него одним целым.

За годы работы в море он неплохо овладел разговорным английским языком. Но детвора ведь говорила на норвежском, и Юрий сначала даже не пытался разобраться, чем заняты и о чем говорят ребята. И когда он уже решил встать и уйти, мальчик, стоящий рядом, обратился к нему и заговорил о чем-то вежливо, но несколько взволнованно. Юрий попытался понять и, конечно, ничего не понял. Тем более, что мальчик говорил очень быстро. И пришла Юрию в голову мысль, что у них может быть общий язык, на котором они поймут друг друга. Пришла, потому, что вспомнил он фразу, музыкальный термин, которым они пользовались в музыкальной школе, и не обязательно по назначению.

Юрий улыбнулся мальчику и, постучав пальцем по футляру, сказал: «*allegro ma non troppo*». В музыкальной терминологии это буквально: «не слишком быстро». Ребята, как по команде замолчали и расступились, и Юрий увидел, что на другом конце скамейки сидит девушка, на коленях у неё другой футляр, только открытый, и в нем скрипка, которая и является, по-видимому, центром внимания и обсуждения. Девушка примерно двадцати пяти лет, рафинированная скандинавская блондинка, в белом свитере и бежевой курточке. На вздернутом, веснушчатом носике очки в тонкой перламутровой оправе, старомодной, как показалось Юрию, круглой формы. «Училка», решил Юрий. Их музыкальная училка, мысленно уточнил. А девушка с ним заговорила. И по вопросительным интонациям, по единственной фразе на норвежском, показавшейся Юрию понятной, «*du er en musiker?*», по тому, что училка взглядом указывала на скрипку, лежащую у неё на коленях, он догадался, о чем его спрашивают. Его принимают за музыканта, и у них какая-то проблема с этой скрипкой.

Он привстал, и ему уступили место рядом с девушкой. Юрий пересел к ней, и вместо запаха канифоли почувствовал аромат незнакомых духов. Он даже глаза на секунду закрыл, так понравился запах. А в футляре лежала скрипка, и почему вокруг неё было так много шума, Юрий сразу понял. Подставка для поддержки струн, «верхний порожек» наклонилась, натяжка струн ослабла, а не упал порожек только потому, что его держали струны. «Что можно было делать, чтобы его так сдвинуть», удивился Юрий. По-видимому, он пробурчал это по русски. Потому, что девушка сделала попытку закрыть футляр и спросила что-то, что можно было понять и не зная языка. Мол, кто вы, и что вы говорите? Она ему чуть руки не защемила крышкой футляра. Вот так, подумал Юрий, и напугать людей можно... своим русским. Здесь к нему еще не привыкли.

– I am the seaman, – перешел на английский Юрий, – The Russian seaman, – уточнил, и видя, что коробку не спешат открывать, заверил, – But, I understand your problem, – мол, я русский моряк, но я понимаю, что вам надо помочь.

Девушка смотрела на него с удивлением, а ребята негромко, живо заговорили и Юрий услышал повторяющееся слово, напоминающее английское seaman, моряк. Поняли, значит. И девушка, с удивлением спросив «seaman?», перевела взгляд на скрипку, опять заговорила на своем, по-видимому, спрашивая, а что это вы, мол, за инструмент беретесь. Юрий постарался сделать как можно более вежливое и убедительное лицо.

– I can do it. Понимаете? You understand me? Позвольте, я это сделаю.

По-видимому, не столько его слова, сколько мимика, убедила девушку. Она, как замороженная, глядя в глаза Юрию, открыла футляр и протянула ему скрипку. И когда он уже держал в руках инструмент, пробормотала удивленно «русски?»

А Юрий уже отпускал винтами натяжение струн. «Русский, русский. Моряк, музыкант и русский, все в одном лице». Бормотал и делал свое дело. А что там сложного? Поставил на место порожек, подтянул до тугого состояния струны и, прижав подбородком к плечу инструмент, изобразил руками настройку скрипки. Мол, настроить в таких условиях не могу. «Understand?» «Понимаете?»

Эффект состоялся. Девушка улыбалась. Ребята загомонили и тоже улыбались. Чаще всего повторялось «такк». Спасибо, по-видимому, это у них? Девушка вдруг протянула ему ладо-

шку лодочкой и, сияя карими глазами со светлыми ресницами, представилась: «Келда». Знакомится она со мной что-ли, обрадовался Юрий.

– Is this your name?

– ja, ja.

– А меня Юрий звать. Ю-рий.

– Юри, ja.

Келда заговорила, пытаясь вставлять английские слова. Чувствовалось, что она в нем не преуспела. Но, в общих чертах, Юрий понял, что она действительно преподаватель музыки у этих ребят. Но сама она играет, скорее всего, на пианино. Во всяком случае, пальцами она показывала именно игру на клавишах, повторяя «пиано». Вот почему она растерялась с такой пустяковой полумкой, решил он. Не её это инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.